

Человеческая жизнь почти ничего не стоила... Меньше, чем просо, или рис, или лошади и экипажи, или даже ткань. Так что если ты ценил свою жизнь больше, чем дружбу... что ж, по крайней мере, это означало, что твоя жизнь стоила больше, чем что-нибудь.

В городе Хуажун уже третий день действовал комендантский час.

Господин Бай почтительно отступил назад, сказав Се Юню:

- Я закончил.

Он, очевидно, был мастером маскировки, ему потребовалось всего несколько минут, чтобы превратить Се Юня в одного из телохранителей Мин Чэня, которого творчески называли «Цзя Чэнь»*. До тех пор, пока эти двое не встанут бок о бок, их будет почти невозможно отличить друг от друга.

* Цзя звучит как «фальшивый» по-китайски.

Мин Чэнь весело сказал своему телохранителю: «Извини, что беспокою тебя, Цзя Чэнь. Теперь ты можешь уйти. Не забудь, сегодня тебе нельзя выходить на улицу».

Цзя Чэнь молча поклонился и вышел, его шаги были так же беззвучны.

Се Юнь внутренне вздохнул. Он знал, что помимо защиты своего хозяина от любого вреда, эти высококвалифицированные бойцы также должны были выполнять роль приманки. Под умелой рукой господина Бая все их лица могли бы стать «запасными частями» для своего хозяина. Если бы он когда-нибудь оказался в опасной для жизни ситуации, они были бы призваны действовать как его двойники, жертвуя своими жизнями ради него.

Вид этих людей напомнил Се Юню о том, что они были призваны сделать, и он не мог не чувствовать себя немного неловко. Но не с его статусом было комментировать это, поэтому он просто сказал господину Баю:

- Спасибо за вашу помощь. Давайте пойдем сейчас.

Вскоре после этого господин Бай и «Цзя Чэнь» покинули дом, легко смешавшись с толпами людей на улице.

Люди в черном, которые прочесывали город в течение последних нескольких дней, казалось, собрались перед зданием местного правительства. Сам Чоу Тяньцзи тоже был там, величественно стоя перед своими людьми. Казалось, вот-вот должно было произойти что-то

грандиозное.

Господин Бай прошептал Се Юню:

- Недавно было убито довольно много людей Большой Медведицы, что выбило их из колеи. Очевидно, из-за этого между Дубхе и Фекдой возникли какие-то разногласия.

- Шэнь Тяньшу не стал бы так усердно искать кого-то из 48 крепостей, - размышлял Се Юнь. - Так что они, вероятно, ищут кого-то из семьи генерала У. То, за чем они охотятся, возможно, связано с юной барышней У или ее младшим братом. Один из этих двух детей, должно быть, всё ещё жив, и его защищает способный боец, чего Шэнь Тяньшу никак не ожидал.

Сказав это, Се Юнь внезапно почувствовал, как в нем зарождается слабая надежда - если бы Чжан Чэньфэй смог отослать одного из своих вместе с детьми У, он, скорее всего, выбрал бы самого младшего из них.

Тогда... может быть, Чжоу Фэй всё ещё жива?

Разговаривая, они подошли ко входу в здание местного самоуправления, присоединившись к толпе собравшихся там крестьян. Они слышали, как Шэнь Тяньшу монотонно произносил: «...отвернувшись от тьмы, чтобы принять свет, и оказав великую услугу нации, он настоящим получает высокую оценку и награждается тремя сотнями золотых слитков».

Шэнь Тяньшу выглядел так, словно его только что заставили пукнуть на публике. Закончив свое воззвание, он проигнорировал толпу и быстро повернулся на пятках, шагнул в сторону и сел прямо.

Человек в черном выступил вперед, неся большое блюдо, нагруженное золотыми слитками. Вес трехсот золотых слитков не представлял собой ничего особенного, и всё же мужчина легко поднял блюдо несколькими пальцами, как будто на нем был тонкий листок бумаги, а не маленькая гора золота. Наблюдавшие за ним крестьяне, вероятно, за всю свою жизнь видели всего несколько серебряных слитков. Увидев эту ослепительную грудку драгоценного металла, толпа мгновенно разразилась изумлённым гулом.

Взгляд Чоу Тяньцзи скользнул по толпе, уголок его рта дернулся вверх, и он указал на человека позади себя: «Пожалуйста, сделай шаг вперед!»

Казалось, он не кричал и не повышал голос намеренно. И все же звук его голоса разносился далеко и широко, так что даже те, кто находился в самых дальних уголках толпы, всё ещё могли прекрасно слышать его слова. Его голос был неприятно пронзительным, как будто в ухо воткнули тысячу булавок. В ушах Се Юня зазвенело от этого звука, как и в ушах окружающих его людей, и они инстинктивно прижали ладони к ушам. Те, что послабее, даже неуверенно покачивались.

Увидев хрупкого на вид мужчину, стоявшего позади Чжоу Тяньцзи, Се Юнь в ужасе закрыл глаза - он тоже узнал его. Всего несколько дней назад этот человек даже поздоровался с ним и тепло угостил их сытной едой. Он был здесь главой секретного поста 48 крепостей!

Се Юнь не мог не задаться вопросом: знает ли об этом Чжоу Фэй?

Чжоу Тяньцзи стоял, заложив руки за спину, и снова говорил своим необычайно звучным голосом: «Я уверен, что здешние добрые люди все еще помнят, что несколько дней назад банда мятежных воров, которая проходила через этот район, была ликвидирована...»

Голос Фекды разнесся по всему городу, побуждая владельцев магазинов и торговцев собраться вокруг, а людей в окрестных домах открыть окна, чтобы посмотреть, что происходит. В поместье градоначальника слуги собирались в группы, чтобы обсудить то, что они слышали... И в этом маленьком уединенном дворике рука Чжоу Фэй крепче сжала рукоять ее сабли.

- Эта банда мародеров пришла сюда с гор Шу и долгое время изводила жителей этого района. Они не пощадили ни одного путника, который проходил мимо них, забрав все их деньги и лошадей. Они не уважали человеческую жизнь и совершили самое ужасное из преступлений! По дороге сюда мы видели деревню за деревней, которые не избежали их безжалостного разграбления, где люди лишились всего своего имущества. Опасаясь, что эти люди могут прийти и снова преследовать их, жители деревни днем закрывали свои двери, а ночи проводили в страхе! Эти люди отвратительны! Если их оставить на этой земле, они станут чумой для всего человечества! Народ не успокоится, пока с таких людей не снимут кожу заживо!

Люди в черном закричали в унисон:

- Содрать с них кожу живьем! Содрать с них кожу живьем!

Их крики распространились по всему городу, эхом разнеслись по зданиям и дворам поместья градоначальника и проникли прямо в уши Чжоу Фэй.

Внутренний двор во владении той безумной женщины был спрятан далеко в поместье градоначальника, сюда не проникали шум и суeta окрестных улиц. Поскольку Чжоу Фэй всё ещё слышала эти гневные крики, можно было только представить, сколько людей присоединилось к ним. Эти крики, должно быть, были оглушительными для людей на соседних улицах. Чжоу Фэй знала, что многочисленные крестьяне, которых преследовали люди Му Сяоцяо, должно быть, искали убежища в городе Хуажун. Поверив словам Фекды, они по неведению могли предположить, что трупы, вынесенные из гостиницы в тот день, были причиной их страданий.

Как могла раззадоренная таким образом толпа не выразить свое одобрение?

Чжоу Фэй воткнула кончик обнаженного клинка своей сабли в землю. Она так крепко сжала ее

рукою, что вены на ее руке вздулись.

- А семья этого предателя У Фэя – вместо того, чтобы раскаяться в своих ошибках, они даже были в сговоре с этими негодяями! Преступница У Фаньши, жена предателя У Фэя, сбежала и связалась с этой группой преступников, проводя день и ночь в их компании. Какая распущенная женщина...

Ножны в другой руке Чжоу Фэй сильно заскрежетали по полу, издавая резкий, визгливый звук.

Но У Чучу, казалось, совершенно оцепенела. Она не заплакала при этих словах, но и не засмеялась. Ее мать была благородного происхождения, хорошо образована и добродетельна. Она покорно служила своему мужу и детям всю свою жизнь и всегда вела себя прилично. Теперь она не только не получила надлежащих похорон, но и ее имя было втоптанно в грязь вонючими ртами этих мужчин.

Генерал У Фэй, возможно, был благодарен за то, что ему удалось защитить свою жену и детей, пока он был жив. К сожалению, он не смог сделать этого после своей смерти.

Внезапно звук женского пения разнесся по двору, заглушая слова Фекды. Этот невероятно высокий женский голос разнесся по небольшому пространству. В то время как слова было невозможно разобрать, целая куча искаженных и бессмысленных «И-и-и-и» и «А-а-а-х» наполняли человека глубокой меланхолией. Чжоу Фэй выглянула наружу через щель в двери. Сумасшедшая женщина теперь стояла босиком посреди двора. Она закуталась с головы до ног в разноцветные ткани и, рассматривая это пространство как свою личную сцену, начала выступать перед отсутствующей аудиторией.

С тех пор как несколько дней назад служанка этой женщины выгнала мужчину, доставлявшего еду, он не осмеливался снова провоцировать их, просто ставя их холодную коробку с едой у двери. Поскольку Чжоу Фэй считала, что по правилам вежливости не помешало бы поблагодарить их хозяев, даже если они понятия не имели, что две девушки остановились там, она каждый раз, когда пробиралась на кухню, брала немного дополнительной еды и тайком складывала ее в коробку с едой для этой женщины.

Когда эта сумасшедшая не бездельничала в доме, она сидела во дворе, тупо глядя перед собой. Чжоу Фэй на самом деле не обращала на нее особого внимания, разве что оставляла ей немного еды. Глядя на то, как она поет и танцует через щель в двери, Чжоу Фэй не могла не задаться вопросом: может ли голос обычного человека так легко заглушить голос Большой Медведицы? Она притворялась или действительно была сумасшедшей? Кем именно она была?

Хотя то, что говорил Чжоу Тяньцзи, заставило Чжоу Фэй покраснеть, она также надеялась, что он проговорится о какой-нибудь важной информации - например, когда люди Большой Медведицы уйдут? Отправит ли ложное сообщение от имени Чжан Чэньфэя этот предательский секретный пост, чтобы обмануть старую госпожу Ван? А может, они даже сделают что-нибудь, чтобы навредить 48 крепостям?

Но эта сумасшедшая женщина не собиралась останавливаться, и Чжоу Фэй не покидало желание просто выбежать туда и засунуть тряпку ей в рот, чтобы заткнуть ее. В этот момент служанка женщины выбежала из дома с ведром воды в руках. Поставив ведро у двери, она воскликнула:

- Боже мой, почему вы снова здесь?!

Сумасшедшая женщина продолжала скакать вокруг, напевая:

- Рассыпаясь в грязи...

- Грязь, да, грязь, - служанка вытерла мокрые руки об одежду, затем подбежала, чтобы затащить женщину обратно, вздыхая: - Зачем вам выходить на улицу без обуви, когда вы знаете, что на земле грязь!

Когда эти две женщины ушли, У Чучу тихо сказала:

- Когда вещи рассыпаются в грязи и становятся грязными, их аромат не задерживается.

Чжоу Фэй удивленно посмотрела на нее сверху вниз.

У Чучу продолжила:

- Моя мать однажды сказала мне, что простые люди рождаются в грязи, вынужденные бесконечно трудиться всю свою жизнь. Поэтому они любят слушать истории о том, что «великие мужчины безнравственны, верные женщины совершают прелюбодеяния, святые украдкой грешат, а непорочные пачкают руки». Они никогда не устают от таких историй, смакуя каждую маленькую скандальную деталь. Почему они должны заботиться о сохранении женской добродетели?

Горе и негодование накапливались внутри Чжоу Фэй в течение нескольких дней. Услышав слова У Чучу, в ней снова вспыхнул гнев, и она угрожающе сказала:

- Я убью любого, кто посмеет оклеветать их.

У Чучу была робкой по натуре. Она склонна была соглашаться со всем, что говорили другие, и редко высказывала свое истинное мнение. Но проведя последние несколько мучительных дней в компании Чжоу Фэй, она начала думать о ней, как о семье и больше не была так насторожена рядом с ней. Она мягко сказала:

- Нет, Фэй. Моя мать сказала, что другие оскорбляют тебя только потому, что уверены, что ты такая же злая, как и они. Если ты действительно убьешь всех, кто тебя оскорбляет, со

временем ты станешь человеком, которого легко разозлить, неспособным вынести даже малейшую критику. Тогда разве ты не стала бы такой же порочной, какой они сделали тебя поначалу?

Чжоу Фэй усмехнулась над этим, подумав: что это за нелепый принцип? Должно быть, она сошла с ума оттого, что прочитала слишком много книг. Ну и что с того, что кого-то легко разозлить? Это всё равно лучше, чем быть муравьем, которого топчут ногами без всякой на то причины.

Но она была уверена, что если выскажет свои мысли вслух, У Чучу непременно заплачет, поэтому она держала рот на замке. Чжоу Фэй так крепко сжала пальцами ножны, что на коже осталась вмятина. Она не могла думать ни о чем другом, кроме как броситься со своей саблей и отрезать языки всем тем людям, которые осмеливались плохо отзываться о мертвых. И все же она с болезненной ясностью понимала, что, учитывая ее нынешние способности, единственное, что она могла сделать, это сидеть на корточках в этом темном маленьком сарае вместе с У Чучу и проклинять их. Даже если бы она раздвоилась, у нее не было бы ни единого шанса выстоять против всех этих мужчин.

И осознание этой суровой реальности наполнило ее отчаянием.

<http://tl.rulate.ru/book/33015/2030964>